

УДК 338

Соловьев В.П.,

д.э.н., профессор

*ГУ «Институт исследований научно-технического потенциала
и истории науки имени Г.М. Доброва НАН Украины»,*

г. Киев

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОЦЕНКИ И ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИННОВАТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

Розглянуто протиріччя у рейтингових оцінках інноваційної діяльності країн. Певні джерела цих протиріч полягають у нехтуванні класичних тверджень економістів. Дана критична характеристика законодавчих і нормативних актів щодо регулювання захисту прав інтелектуальної власності і націленості вітчизняної науки на проблеми виробництва

Ключові слова: *рейтингові агентства, інноваційна економіка, інтелектуальна власність, трансфер технологій, джерельна база, національна інноваційна система.*

Проблема доказательства необходимости государственной поддержки науки очень часто сводится к сравнению отдельных показателей, которые характеризуют главным образом уровень бюджетного финансирования науки в различных странах. Очевидно, что данный показатель, несмотря на свою безусловную важность, не исчерпывает реальной государственной поддержки научно-технической и инновационной деятельности. Для более ясного понимания роли уровня вовлеченности науки в производственную сферу необходимо разобраться в некоторых методических противоречиях формирования в нашей стране условий создания и применения интеллектуального продукта на различных этапах его жизненного цикла, имея в виду, что формальное одобрение на высших уровнях власти идея инновационного развития экономики давно получила.

Наиболее широко проблемы инновационного развития обсуждаются в публикациях научных журналов и средств массовой информации. Почти любая публикация, посвященная проблемам реформирования науки, начинается в Украине со ссылок на данные государственной статистики и различных зарубежных рейтинговых организаций, наиболее популярной из которых является Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе. Однако, кроме ВЭФ, рейтинг конкурентоспособности рассчитывают и другие аналитические центры. В Европе это, например, IMD в Лозанне, INSEAD в Фонтенболо. Обращаясь к авторитету рейтинговых агентств, мы исходим из постулата, что знание

статистических данных о конкурентоспособности страны, уровне инновационного развития ее экономики позволяет более обоснованно разобраться в причинах тех или иных негативных явлений и, не менее обоснованно, сформулировать предложения по улучшению ситуации.

Все это действительно так, если, с одной стороны, данные, используемые рейтинговыми агентствами, достаточно достоверны и, с другой стороны, понятно, с какой целью они получены. Если мы не учитываем этих исходных предпосылок, то можем приходить не просто к отличающимся в рамках статистической погрешности выводам, а получать исключаящие друг друга данные. Для аргументации этого утверждения сравним данные ВЭФ в Давосе и IMD в Лозанне.

Динамика значений рейтинга конкурентоспособности, рассчитанного по методике ВЭФ для Казахстана, России и Украины за последние три года такова:

Казахстан 2013 год – 50; 2014 год – 50; 2015 год – 42;

Россия 2013 год – 64; 2014 год – 53; 2015 год – 45;

Украина 2013 год – 84; 2014 год – 76; 2015 год – 79.

Динамика значений рейтинга конкурентоспособности, рассчитанного по методике IMD для тех же стран и за те же последние три года такова:

Казахстан 2013 год – 34; 2014 год – 32; 2015 год – 34;

Россия 2013 год – 42; 2014 год – 38; 2015 год – 45;

Украина 2013 год – 49; 2014 год – 49; 2015 год – 60.

Мы видим, что в соответствии с методикой ВЭФ Казахстан несколько теряет позиции, а по методике IMD – наоборот, демонстрирует большую стабильность. Россия в соответствии с методикой ВЭФ явно набирает обороты, а по методике IMD – наоборот, имеет негативную тенденцию. Что касается Украины, то здесь можно отметить, что данные, полученные по методике IMD, демонстрируют меньший разрыв между Россией и Украиной, чем данные, полученные по методике ВЭФ. Возникает вопрос кому же больше верить?

Если оценить достоверность данных госстатистики, можно обратиться к эксперименту, который провели российские специалисты по статистике науки. Они получили от Чувашского правительства грант на обучение тех работников предприятий, которым поручено вносить в статистические формы данные, характеризующие инновационную активность предприятий. Оказалось, что статистические данные, характеризующие инновационную активность, до обучения и после обучения отличались в среднем в три раза. Вряд ли в Украине такой эксперимент привел бы к другим результатам.

Таким образом, уже на самом первом этапе исследований – верификации исходных данных – управленцы получают «данные не первой свежести», а разбираться в методических премудростях рейтинговых агентств далеко не у всех хватает сил.

Весьма упрощенно в научных статьях по инновационной экономике относятся к осмыслению положений, сформулированных экономистами XIX, хотя, скорее, именно там, а не в трудах Хайека, Кейнса, Шумпетера, Солоу надо искать причины сегодняшнего безразличия отечественного бизнеса в отношении результатов отечественной же науки. В частности, забывается роль экономических исследований К.Маркса, который отдавал должное внедрению в производство машин и считал, науку производительной силой общества. При этом К.Маркс утверждал, что капиталист не занимается внедрением в производство машин до тех пор, пока он может усиливать эксплуатацию рабочих простыми экстенсивными методами – увеличением рабочего времени, снижением заработной платы на единицу физических затрат и т.п. То есть, до тех пор, пока рабочие не возьмут капиталиста «за горло», никакие инновации ему не нужны. Именно этот вывод К.Маркса наиболее актуален, когда мы сегодня пытаемся разобраться с причинами неудач в сфере технологического развития отечественной экономики.

Современный (западный) капитализм сумел преодолеть эту свою негативную черту, о которой писал К.Маркс. Об этом свидетельствует популярная на западе модель эндогенного экономического роста «Лукаса-Ромера». Мы же просто закрываем на данную проблему глаза и не хотим признать, что до тех пор, пока современный отечественный собственник может извлекать дополнительную прибыль экзогенным способом, он никогда не будет заниматься внедрением инноваций, как бы красиво не звучали лозунги в поддержку инновационного развития. Отечественный тип экономики можно назвать «первобытным» (Марксовым) капитализмом. Современные западные капиталисты не предлагают ученым «сосредоточиться на приоритетных направлениях науки, тратить выделенные им средства исключительно на решение задач, которые дадут быстрый экономический эффект», а просто ставят перед наукой интересующие их задачи и очень неплохо платят ученым за решение этих задач. В мире есть десятков компаний, которые затрачивают на научные исследования в собственных интересах около \$10 млрд. в год, то есть, на порядок больше, чем Украина тратит за тот же период на все свои исследования и разработки.

В нашей стране довольно активно обсуждаются проблемы охраны интеллектуальной собственности, а также проблемы коммерциализации результатов НИОКР. Но главным предметом обсуждения у нас являются проблемы, касающиеся распределения прибыли между авторами разработок, организацией, в которой они работают и организациями, которые финансируют разработки, то есть в сферу основного внимания попадает «вертикальный» трансфер технологий: от фундаментальных исследований – к прикладным, от прикладных исследований – к разработкам, от разработок – к проектированию и конструированию, от

проектирования и конструирования – к производству. Но правовые вопросы «вертикального» трансфера технологий в Украине достаточно хорошо отработаны – и институционально, и организационно. Самая же большая проблема – это создание условий для эффективного «горизонтального» трансфера технологий.

В свое время Южная Корея озаботилась качеством закупаемого из-за рубежа оборудования и технологий для решения задач своей индустриализации. Это – типичный «горизонтальный» трансфер. Оказалось, что 70% приобретаемой продукции является или устаревшей, или экологически неблагоприятной, или такой, что подавляет их собственные разработки. Правительство Южной Кореи создало государственный фильтр (с привлечением науки) по отношению импорта технологий, и все у них наладилось. А иначе, еще не известно, чем бы и когда закончилась их индустриализация.

Много дискуссий, часто бесплодных, ведется по поводу того, есть ли в Украине отечественная национальная инновационная система (НИС), или ее надо создавать. К сожалению, весьма распространена точка зрения об отсутствии НИС в Украине. Однако, наиболее серьезные специалисты в этой области считают, что национальная инновационная система существует всегда, в любой стране, в том числе и в Украине. Только благодаря наличию инновационной системы у нас осуществляется вертикальный и горизонтальный обмен знаниями имеет место обновление основных фондов на некоторых предприятиях и даже, иногда, случаются технологические прорывы. При этом в нашей не совершенной, но, все-таки, существующей национальной системе есть все необходимые элементы. Просто, некоторые гипертрофированы, некоторые недоразвиты, а некоторые и вообще можно увидеть только через лупу. Поэтому речь может идти только о развитии, а не о создании, национальной инновационной системы. На этот предмет, кстати, есть распоряжение Кабинета Министров Украины, принятое в июле 2009 года.

Что касается системы финансирования, способствующей продвижению интеллектуальной собственности в производство, надо констатировать, что нынешний уровень финансирования науки просто не позволяет ученым участвовать в целенаправленной деятельности по использованию интеллектуальной собственности в производстве. Мировой опыт показывает, что при финансировании науки в размере до 1% от ВВП наука может выполнять исключительно образовательную функцию. Конечно же, ученые, особенно работающие в институтах Национальных академий наук технологического профиля, активно участвуют в формировании интеллектуальной собственности, но, как говорится, в свободное от основной работы время. Из-за «первобытности» отечественного капитализма отечественные ученые не

в состоянии преодолеть стремление отечественного бизнеса наращивать прибыль за счет экстенсивных методов. Этим же, наверное, объясняется негативное отношение органов власти к созданию системы фондов для финансирования деятельности по ускорению внедрения результатов исследований и разработок в производство. Впрочем, при существующем отношении производства к инновациям, вряд ли даже наличие каких-то инновационных фондов что-то кардинально изменит. В связи с этим при совершенствовании законодательства в сфере науки и технологий следует помнить, что вместе с базовыми законами, регулирующими отношения в научно-технологической сфере, необходимо вносить изменения, по крайней мере, в четыре закона, регулирующих инновационную деятельность и трансфер технологий. Данная проблема обсуждалась по инициативе Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва еще в 1997 году. Тогда предлагалась к рассмотрению концепцию Закона Украины «О внесении дополнений и изменений в законодательство Украины с целью инновационного развития». Предполагалось, что такой Закон повлияет на все отрасли экономики и сферы деятельности. К сожалению, тогда это предложение не получило поддержки. Было бы неплохо сделать еще одну такую попытку.

Когда решаются вопросы финансирования науки и инноваций, часто звучат упреки в том, что у ученых и научных работников отсутствует мотивация создавать конкурентоспособные объекты интеллектуальной собственности. В необоснованности таких упреков можно убедиться, если, например, познакомиться с разработками ученых Национальной академии наук, готовыми к внедрению. Если бы чудесным образом эти уже выполненные разработки начали грамотно использоваться в производстве, то с большой вероятностью в течение не более 5 лет Украина не только освободилась бы от всех долгов МВФ, но и превратилась бы из кредитуемой страны в кредитующую.

Конечно, таких больших чудес в Украине трудно ожидать. Но можно сослаться на похожие чудеса в Германии. Когда в 2002 году в земле Бранденбург премьер-министром стал Матиас Платцек (он оставался им до 2011 года), он обнаружил удручающее состояние экономики этой земли – безработица была около 30%. «И мы решили, – как говорит Платцек, – поддерживать только ту промышленность, которая имеет тесные связи с наукой». В результате земля Бранденбург в настоящее время является наиболее динамически развивающимся регионом ФРГ, безработицы – не стало. Правда, исчезли некоторые ранее традиционные для этой земли отрасли. В регионе перестали производить текстиль и мебель, но зато у них появились предприятия, ориентированные на использование современных технологий. У нас бы такое сочли за чудо, а у них это считается просто правильной реализацией государственной

научно-технической политики.

Одним из кардинальных вопросов успешности участия науки в экономическом развитии является процесс введения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот. Следует заметить, что методически в НАНУ этот вопрос решен. Но организационно здесь имеют место непреодолимые (надеюсь, пока) барьеры. Финансисты часто задают вопрос: А зачем вводить интеллектуальную собственность в хозяйственный оборот? Увы, ответить на него не просто. По меркам западного капитализма – это необходимо для того, чтобы увеличить стоимость продажи предприятия или компании. Но вряд ли в ближайшее время у нас начнут торговать научно-исследовательскими институтами. А для предприятий «первобытного» капитализма интеллектуальная собственность имеет мизерное значение. В результате, если кому-то захотелось бы купить КБ «Южное» им. М.К.Янгеля, он бы мог надеяться на вполне законной основе приобрести это КБ максимум за несколько десятков тысяч долларов США. Это, конечно, крайне абстрактный пример, но он характеризует отношение современного бизнеса к интеллектуальной собственности.

Механизм введения объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот требует создания в научных организациях подразделений коммерциализации интеллектуальной собственности. Однако, практика показывает, что такие подразделения имеют смысл, только в том случае, когда от заявок на приобретение этой собственности, как говорится, отбоя нет. И даже, когда такое условие выполняется в технологически развитых государствах, то тогда создается специальная система посреднических организаций (с обязательным участием государства), ориентированных на преодоление «долины смерти» – этапа между окончанием исследований и разработок и началом использования научных результатов в практике. Примером могут служить так называемые «Катапульти» в Великобритании (с тем, что это такое, можно познакомиться в журнале Наука и науковедение №1 за 2015 год).

Вывод, который можно сделать из изложенных выше рассуждений состоит в том, что, с одной стороны специалисты в области экономики инновационных процессов часто пренебрегают экономическими догмами, характерными для начального периода становления капитализма в мире, отдавая предпочтение экономическим теориям, сформулированным во второй половине XX века, которые описывают систему экономических отношений, далекую от отечественных реалий. К сожалению, источниковая база, которой пользуются отечественные исследователи инновационных процессов, как и методические подходы к формированию достоверных исходных данных, далеки от совершенства. И, наконец, к сожалению, практически отсутствуют эффективные

политические решения, способствующие реальному вовлечению науки в решение проблем производства.

Если, например, мы обратимся к Стратегии устойчивого развития «Украина — 2020», одобренной Указом Президента Украины №5/2015 от 12.01.2015 г., то увидим, что наука как элемент достижения европейских стандартов жизни и выхода Украины на передовые позиции в мире упоминается там только в подразделе «вектор гордости», наряду с историей, культурой и спортом. В разделе «Дорожная карта и первоочередные приоритеты реализации Стратегии» говорится о необходимости провести реформу государственной политики в сфере науки и исследований, но в рамках того же «вектора гордости». То есть разработчики Стратегии не усматривали ощутимой роли науки ни по вектору развития, ни по вектору безопасности, ни по вектору ответственности. Может быть, нескончаемость дискуссий по поводу реформирования науки и объясняется тем, что наши властные структуры воспринимают науку как необязательный элемент в системе оперативного управления экономикой. И дело здесь, пожалуй, в основном в менталитете.

Роль менталитета хорошо проиллюстрировал геополитик, профессор Гарвардского университета Сэмюэл Хантингтон, который писал, что его удивили результаты сравнительного анализа экономического развития Ганы и Южной Кореи в период 1960—1990-х годов. Начинали они с одинаковыми экономическими показателями. Они были близки по показателю валового национального продукта на душу населения, имели похожую отраслевую структуру экономики и жили в основном за счет сырьевого экспорта. Объемы экономической помощи, оказываемой обеим странам в эти годы, тоже были примерно одинаковыми. Через три десятилетия Южная Корея превратилась в индустриального гиганта. В Гане же доход на душу населения составлял лишь одну пятнадцатую южнокорейского, и в структуре ее экономики не наблюдалось никаких существенных изменений. Хантингтон пришел к выводу, что все дело в менталитете. Поэтому если мы что-то знаем или о чем-то догадываемся, это не означает, что мы сможем это воспроизвести на практике, именно из-за различия менталитетов.

То, что менталитет нашего руководства отличается от корейского не в лучшую сторону, можно проиллюстрировать на следующем примере. Как известно, осуществляя программу индустриализации страны, власти Южной Кореи быстро поняли, что выполнение кардинальных задач завершающей стадии индустриализации упиралось в проблему заимствования и внедрения новейшей техники и передовой технологии. По оценкам их Национального института науки и техники выходило, что только 30% заимствований можно было отнести к передовым технологическим процессам, а оставшиеся 70% оценивались как

отсталые и устаревшие. После проведенного исследования в Южной Корее был создан Консультационный центр по привлечению технологий, который, с целью устранения упомянутых негативных факторов, давал предварительные оценки целесообразности технологических заимствований, намеченных к внедрению. А корейские власти определили жесткие правила привлечения иностранных технологий. Новые правила запрещали покупку технологий из-за рубежа в том случае, если: а) контрактами предусматривалось всего лишь простое использование образцов, фабричных марок и торговых знаков; б) контракты имели в виду только продажу сырьевых материалов или отдельных компонентов, деталей и узлов для предполагаемой продукции; в) контракт содержал несправедливые и ограничительные условия относительно экспорта намечаемых к выпуску изделий; г) контрактом предлагалась к поставке технология устаревшая, несовершенная или с какими-либо отклонениями от нормы; д) контракты затрагивали особую отечественную технологию, которая, по определению министра по делам науки и техники, «служила интересам независимого развития»; е) министр экономического планирования не считал возможным признать те или иные контракты жизненно необходимыми.

Для Украины проблема технологического обновления тоже стоит достаточно остро. И в процессе совершенствования Закона Украины «О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий» даже была сделана попытка следовать корейскому опыту. В одной из последних модификаций закона удалось добавить статью 17 «Согласование ввоза в Украину технологий, приобретение которых предусматривается за бюджетные средства». Вроде бы очень похоже на действия Южной Кореи сорокалетней давности. За исключением одной детали: ограничения на ввоз распространяются только на технологии, которые закупаются за счет государственного бюджета. А все остальные закупки трогать нельзя, как сказали законодатели, потому что у нас рыночная экономика.

То есть, в соответствии с корейским менталитетом, можно контролировать и государственные, и частные закупки технологий, а в соответствии с украинским — только те, которые осуществляются за бюджетные средства.

Может быть, для Украины этот вопрос не особо актуален? К сожалению, выяснить, как обстоят дела в Украине с объемами и структурой заимствования технологий, на основе отечественной статистики очень трудно. Но вот Е.Примаков, когда возглавлял Торгово-промышленную палату Российской Федерации, провел, по его словам, статистическое исследование, которое показало, что российские промышленники закупают только 13% оборудования сегодняшнего и завтрашнего дня, а все остальное покупают по дешевке из того, что

безвозвратно ушло в прошлое. Вряд ли в Украине другие соотношения. Может быть, у нас только покупают не по дешевке, а гораздо дороже, чем стоит более совершенное отечественное оборудование.

Таким образом, не видя пользы научных исследований для экономики, руководство нашей страны не особо заботится и о том, чтобы промышленность насыщалась инновациями. Хотя определенные нормативные акты с целью активизации инновационной деятельности периодически принимаются. Например, в 2012 году Кабинет министров Украины одобрил своим распоряжением Концепцию реформирования государственной политики в инновационной сфере. Это распоряжение продолжает действовать и сейчас — не так давно готовились предложения по Плану мероприятий по реализации данной концепции на ближайшее будущее. Но на самом деле концепция фактически уже потеряла свою актуальность. Об этом свидетельствует и то, что хотя в упоминавшейся выше Стратегии устойчивого развития требование превращения Украины в государство с передовыми инновациями декларируется как элемент «вектора развития», однако в разделе «Дорожная карта...» Программа развития инноваций опять же попала в подраздел «вектор гордости». Вместе, кстати, с Украинской космической программой. В то время как Украинская космическая программа могла бы стать ядром и развития, и безопасности, и ответственности.

По нашему мнению, пришла пора провести тщательную и открытую экспертизу постановлений Кабинета министров Украины по проблемам инновационного и экономического развития, принятых за последние три—пять лет. Поскольку все эти акты не открывают новых перспектив использования науки как реальной производительной силы и не помогают ученым почувствовать «вектор заинтересованности» властных структур в реформировании экономики на основе использования той науки, которая есть в Украине, и тех инноваций, которые ждут своей реализации. Если бы этот «вектор заинтересованности» проявился в виде, например, «принуждения к инновациям» промышленных предприятий, то технологические институты Национальной академии наук Украины сами бы нашли правильный путь своего реформирования. В Украине появилась бы мощная отраслевая наука.

***Summary.** The contradictions in rating assessments of innovation of countries are considered. Some sources of these imperfections are connected with neglect allegations classical economists. The critical description of laws and regulations which are concerned to the protection of intellectual property and focus on issues of the involvement the national science in production sphere are discussed.*

***Key worlds:** rating agencies, innovative economy, intellectual property, technology transfer, source base, the national innovation system.*